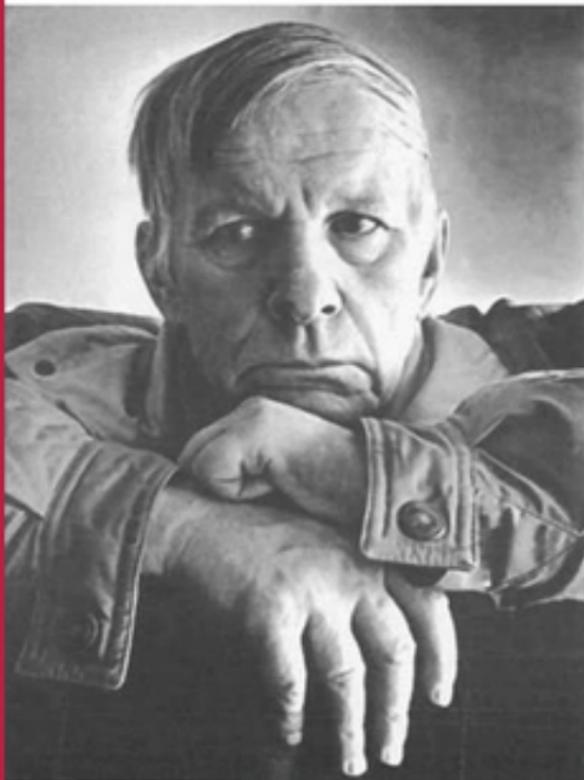

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО САМОГО
ИНТЕРЕСНОГО!

**ВАСИЛЬ
БЫКОВ**

БЫКОВ

Василий Владимирович Быков

Публицистика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131729

Аннотация

В данном сборнике достаточно полно представлено документальное наследие Василя Быкова. Статьи посвящены не только литературе, но и темам исторической памяти и нравственного воспитания. Кроме того, в сборник включено три интервью.

Содержание

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ	4
НЕИССЯКАЕМАЯ ЩЕДРОСТЬ УМА	13
ЗОРКОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, СТРАСТЬ ХУДОЖНИКА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Василь Быков

Публицистика

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

Не так давно Анатолий Бочаров высказал предположение о наступившем периоде усталости нашей военной прозы. Не стану по примеру некоторых специалистов этого рода литературы опровергать видного критика и теоретика советской литературы, немало сделавшего и для осмысления военной прозы: вполне возможно – он прав. Как и всякое живое дело, военная проза в своем развитии не может избежать определенных спадов, особенно после пережитых ее блистательных лет расцвета в конце 50-х – начале 60-х годов, когда появились произведения, на многие годы определившие пути ее развития. И хотя в последующие годы литература о войне несколько потеснилась в сознании читающего народа, уступив место, может быть, не менее блистательным произведениям «деревенской» прозы, вряд ли когда-либо померкнут в ее сокровищнице замечательные по мастерству и правдивости произведения того времени, принадлежащие перу Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Константина Симонова, Владимира Богомолова, Константина Воробьева, Юрия Гончарова, Евгения Носова, Сергея Крутилина

и других. Написанные, казалось бы, об одном и том же, о человеке на войне, эти произведения несут в себе неиссякаемое разнообразие – жанровое, тематическое, стилевое, различие личностно-авторского отношения к войне и ее непростым проблемам. Но, разумеется, самое ценное в них – правда пережитого, достоверность подробностей и психологии, неизменность гуманистического отношения к человеку самой трудной судьбы – солдату на самой большой и самой кровавой войне.

О войне написано много во всех жанрах литературы, на 77 языках народов нашей страны, разумеется, с различной степенью мастерства, умельства, талантливости. Что до меня как читателя (да, я думаю, и до большинства читателей, воевавших и невоевавших), то, может быть, для нас дороже всего в этих книгах не так мастерство изложения, не красочность слога, но – правда. За тысячелетия земной истории о войне на всех языках мира написано много неправды, красивых сказок и прямой лжи. Это и понятно, потому что война, как известно, всегда была продолжением политики военными средствами и служила интересам власть предержащих. Наша же большая война, на полях которой решались судьбы планеты, имела другой характер и другие, отличные от предыдущих, цели. Говорить неправду о ней не только безнравственно, но и преступно как по отношению к миллионам ее жертв, так и по отношению к будущему. Люди земли должны знать, от какой опасности они избавились и ка-

кой целой досталось им это избавление. Что касается читателя, то ему интересно знать все: от переживаний солдата в передовом окопе до работы крупных штабов и ставки по руководству войсками. Литература многое сделала для раскрытия психологии рядового бойца и младшего офицера переднего края, но по причине отсутствия прежде всего личного опыта у ее авторов она оказалась некомпетентной до всего, что касается крупных штабов, объединений, ставки. Этот пробел в значительной мере восполняют военные мемуары, принадлежащие перу генералов, крупных военачальников, среди которых немало честных и хороших книг. Но немало также и таких, где фактическая сторона изложения воспринимается с большим сомнением, где, как писал недавно Виктор Астафьев, «проступает явное вранье». В самом деле, часто трудно добраться до сути через аккуратный штакетник округлых стереотипных фраз или задним числом сочиненных подробностей, заимствованных из фронтовой печати тривиальных примеров и бесконечных страниц разговоров. Иные мемуары по своей форме смахивают на пьесы, так много и подробно (вплоть до междометий) переданы в них разговоры, речи, выступления, беседы. Беллетризация воспоминаний, стремление написать художественно, непременно как у настоящих писателей, обычно выдает чужую, не авторскую руку и значительно снижает достоинство такого рода литературы. Ибо как можно поверить в достоверность происходившего спустя 20, 30 и 40 лет, переданного через

разговоры в лицах, пусть даже и достопамятных и поразивших воображение. Ведь на войне было нечто поважнее пусть даже самых содержательных разговоров – было дело.

Да, люди по праву хотят знать о войне полнее, больше, особенно о том, что лежит за пределами их жизненного или военного опыта. Но когда я читаю длинные главы, описывающие в подробностях жесты, выражения, все те же разговоры генералов, маршалов, исторических лиц, сокровенные раздумья о собственных военных просчетах бывшего наркома обороны или ставшие столь популярными в литературе сцены в кабинете Сталина, я с недоумением обращаюсь к имени автора на обложке и спрашиваю себя: откуда все это? Из каких документов, по чьим свидетельствам? Ах, это авторский домысел, стало быть, сочиненность, выдумка, но тогда, извините, тогда мне это неинтересно. И мне становится жаль многих тысяч читателей, питающих понятный, почти трепетный интерес маленьких людей к жизни великих и воспринимающих все это за подлинность, за правду. Можно, разумеется, возразить мне, сославшись на творческую практику Толстого, Маннов, Фейхтвангера, но тут несопоставимо разные вещи. Даже ошибочный опыт великих остается великим в истории и литературе, а их ошибки для нас не менее важны, чем их несомненные удачи. Но нам-то, наверное, еще далековато и до Толстого и до Маннов, чтобы позволить себе необузданный полет фантазии по отношению к тому, что до сих пор остается сокрытым от человечества бетонной стеной

молчания. Кровь, муки и пот народа в минувшей войне накладывают на нас первейшее из обязательств – безусловную верность правде.

Последнее условие императивно также по отношению к документальной литературе, которая в некоторой – я бы сказал, значительной – своей части обрела ныне чересчур поэтическую раскованность, чтобы с должным основанием считаться документальной. В некоторых произведениях этого жанра при всем старании невозможно обнаружить и следа документа, разве что имя героя реально, все же остальное состоит из домыслов, описаний, все тех же диалогов и внутренних монологов, заполняющих страницы и главы. Опять как в романах, как в художественной литературе. Но кому нужна эта художественность, ради которой попирается главное и, может, единственное достоинство этого рода литературы – правда.

Впрочем, это элементарно и давно известие. Тем более что у нас есть и примеры другого рода, замечательные примеры высокого документализма и самой высокой гражданственности; здесь уместно вспомнить творчество, да и всю жизнь незабвенного Сергея Сергеевича Смирнова. Его книги способны стать образцом, примером для подражания последующих поколений писателей-документалистов. Или же «Блокадная книга» Адамовича и Гранина, где все – факт, жизнь, судьба, уже принадлежащие истории. Трагической странице нашей с вами истории.

Тот же Виктор Астафьев писал недавно: «Думаю, все лучшее в литературе о войне создано теми, кто воевал на передовой». В общем, это справедливо, хотя я бы не стал утверждать столь категорично, соглашаясь, однако, с той частью его утверждения, что личный опыт войны здесь незаменим. Вся беда литературы второго сорта как раз и заключается в отсутствии определенного личного опыта у одних авторов и в попрании этого опыта теми, у кого он есть, в уходе за его пределы, я бы сказал, за пределы какого бы то ни было опыта в область сочинительства, приблизительности и – неправды. И потому такая литература, с каким бы изяществом она ни была создана, неприемлема по своей сути: она не прибавляет ничего к познанию и осмыслению духа войны, а уводит читателя в область мифов, ортодоксии и домыслов. Во всяком другом случае, может быть, об этом и не следовало бы говорить, но прошедшая война для нас, как недавно писал Евтушенко, слишком сокровенная тема, прикасаться к которой надобно с ясным сознанием огромной ответственности: под ней море народной крови. И приходится только сожалеть, что те, кто имеет недюжинный опыт и мог бы сказать о ней сокровенное слово, предпочитают молчать. Мы знаем мемуары, где умолчено о действительно важном, опущено все существенное, взамен чего книжные страницы заняты малозначащими подробностями вроде забытой по рассеянности карты, едва не ставшей причиной самого драматического переживания за всю войну. А старый маршал по до-

роге на фронт, куда он едет координировать действия войск, думаете, о чем ведет разговор с подчиненными? О русском балете, знатоком и любителем которого он является. Впрочем, возможно, я ошибаюсь: возможно, это о многом говорящие подробности.

Виктор Астафьев прав: память человеческая избирательна и любит приятное. К старости все трудное видится в ином свете, нежели тот, что освещал муки, кровь и страдания в годы военной молодости. Задним числом кому не хочется видеть себя героем? Это понятно и извинительно для всякого стареющего человека, но не для литературы. Литература не имеет права на старость и должна все помнить в подробностях, в первозданности, не упускать ничего.

Не знаю, устала ли военная проза или просто у нее небольшой, десятиминутный привал на ее долгом пути. Как знать? Кто на войне спрашивал солдата об его усталости: солдат всегда готов был к подвигу и к смерти. Так же и военная проза. Пути и возможности ее неисповедимы. Когда, казалось бы, тема партизанской борьбы с фашизмом была до основания отработана искусством, создана огромная галерея самоотверженных парней, дедов, теток, храбрых партизанских комбригов, а также всех разновидностей фашистов и их прислужников, Дмитрий Гусаров создает свой роман «За чертой милосердия», заставивший наконец понять, что такое борьба в тылу у врага. Чье сердце не содрогнулось при чтении этой действительно немилосердной правдивости книги. Ко-

гда о пехоте и ее нечеловеческих муках и крови было написано столько, что, думалось, у читателя вот-вот пропадет интерес к атакам и контратакам, окопному и госпитальному быту, Вячеслав Кондратьев печатает «Сашку», и мы увидели, сколько еще там, в пехотной цепи, человеческих драм и литературных возможностей. После книги Гусарова трудно было что-либо добавить к теме оккупированных территорий и немецкого тыла, но вот появились «Каратели» Аlesia Адамовича, это философско-психологическое исследование предательства и природы немецкого фашизма, глубинное проникновение в человеческую патологию, равное которому вряд ли сыщется в мировой антифашистской литературе. Григорий Бакланов напечатал отличную, в ключе своих прежних вещей повесть «Навеки – девятнадцатилетние», а Юрий Бондарев в новом романе «Выбор» дал пронзительной силы страницу войны с далеко проросшими корнями причинности и трагическим плодом, созревшим спустя три десятилетия после победы. Новые вещи о войне на подходе у Владимира Богомолова, Виктора Астафьева, и мы не сомневаемся в их успехе, обеспеченном силой их замечательного таланта и кровью освященного опыта.

А усталость? Не знаю, из будущего будет виднее. Действительно, может оказаться, что все это пишется не со свежими силами, во время привала на большой дороге. Но если даже в таком состоянии, в период, скажем так, «нерасцвета» наша литература способна создавать такие произведения, то Честь

ей, Хвала и Слава.

Дорогие товарищи! Усилиями лучших талантов нашего многонационального советского народа создана огромная литература о войне, целый литературный континент. Книги о войне издает множество издательств на протяжении многих десятилетий. Кажется, однако, еще не было сколько-нибудь серьезной попытки их издательской систематизации. Ввиду этого я предлагаю с этой трибуны в течение ближайших лет приступить к выпуску межиздательской библиотеки, серии из сотни книг под общим наименованием «Великая Отечественная». Эта серия еще больше закрепит в народном сознании беспримерный подвиг народа в годы Великой войны, явится нашим художественным свидетельством о ней и нашим завещанием грядущему.

1981 г.

НЕИССЯКАЕМАЯ ЩЕДРОСТЬ УМА

Лев Николаевич Толстой впервые вошел в мою жизнь много лет назад, когда, заболев однажды, я был на месяц оторван от школы и прочитал четыре тома его «Войны и мира». Не скажу, что детское чтение великой эпопеи оказалось для меня весьма плодотворным, но неповторимые образы ее героев, широкая панорама русской жизни, военные картины далекого прошлого не могли не пленить воображение. Это было добротворное чтение, хотя, разумеется, читать и перечитывать Толстого нелишне в любом возрасте. Как никто другой из великих художников, он обладает неиссякаемой щедростью ума, живостью наблюдений, способностью постоянно влиять на формирование и совершенствование человеческих душ.

И это прекрасно, когда общение с его духовной сокровищницей не заканчивается однажды, а продолжается в течение всей жизни. Предельная искренность, глубинное проникновение в тайну человеческой сущности, социальная значительность и непрекращающееся искательство нравственного идеала продолжают привлекать к нему многие поколения читателей. Созданные более века назад, «Севастопольские рассказы» наглядно свидетельствуют о том, как следует пони-

мать сражающийся русский народ, как его изображать в литературе. Огромный талант и художническое мужество великого Толстого дали ему право написать бессмертные строки, являющиеся непреходящим императивом всякой реалистической литературы: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда».

Казалось бы, все очень просто, иначе и не может быть: правда была и остается великим содержанием литературы. На деле же нет больших забот у пишущего, чем его отношение с такой постоянно ускользающей, столь изменчивой и текучей категорией, какой является правда. Толстой же обладал удивительной, по-видимому врожденной, способностью различать в запутанных и многосложных проявлениях жизни глубинную сущность правды, а его грандиозный талант превращал ее в неперемного героя его художественной прозы. Наверно, однако, и для Толстого это было непросто, иначе он не написал бы однажды, что, «как ни странно это сказать, а искусство требует еще гораздо больше точности... чем наука». Несколько парадоксально звучат в наш век НТР и покорения космоса эти его слова, но вещей их смысл не может не разделить каждый сколько-нибудь серьезный писатель или думающий читатель.

Мы привыкли к непререкаемой справедливости известного ленинского высказывания о графе Толстом, до которого

не было настоящего мужика в литературе, но из этого следует, что мы должны задуматься и о том, откуда у этого барина, в течение почти всей жизни ведшего замкнутый, «усадебный» образ жизни, откуда у него такое глубокое понимание народа, знание потаенной человеческой сущности? Дело, наверно, все-таки не в образе жизни, а во врожденном свойстве души – степени человеческой сопричастности к другим, себе подобным, способности к сопереживанию, к осознанию чужой боли как своей собственной, чем в огромнейшей мере был наделен Лев Толстой. Это нам теперь видна ограниченность некоторых его духовных исканий, и мы с уверенностью можем судить о его ошибках. Но большое видится на расстоянии, а для него был важен главнейший из исповедуемых им жизненных принципов: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

Вся его жизнь – непрестанные поиски: сначала самого себя в этом мире, затем смысла и цели всей жизни. Несмотря на ряд поражений и утрат, он до конца своих дней оставался врагом душевной самоуспокоенности. Не в этом ли, помимо многих других, его великий урок для всех – его современников и живущих в другую эпоху, но все на той же прекрасной и грешной земле?

1978 г.

ЗОРКОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, СТРАСТЬ ХУДОЖНИКА

Прежде чем стать писателем, Сергей Залыгин долгое время занимался наукой, работал в Сибири, имел дело с хозяйственными и научными проблемами, наложившими определенный отпечаток на его литературное творчество. Написанная им книга о литературе – «Литературные заботы» – плод серьезных раздумий о ней человека, не только искусственно-го жизнью, но и разносторонне образованного, настойчивая и довольно успешная попытка осмыслить громадные знания искусства с точки зрения художника, вооруженного эстетическими и техническими знаниями нашего века.

Литературоведческие размышления писателя сильнее всего впечатляют углубленной способностью автора проникать в область сугубо интеллектуальную, в область собственно искусства, человека– и литературоведения. Сергей Залыгин показал себя здесь не только ученым-исследователем с ярко выраженным даром аналитика, но также и поэтом. Его взволнованное эссе о любимом им Чехове не меньше волнует также и читателя. Оно и понятно. Как уже не однажды встречалось в литературе, пересечение в одной точке взглядов настоящих художников, принадлежащих к различным эпохам, дает интересный сплав отношений, мыслей и чувств.

Сколько бы мы ни знали о художнике прошлого, мы неизменно очаровываемся тем, что в нем с новой силой открывается через живущий в иную эпоху талант, особенно если этот талант – наш современник.

Исследовательские способности Сергея Залыгина в области литературы, эстетики теснейшим образом связаны с его не менее глубокой способностью художнического проникновения в жизнь. Как и в литературоведческих работах, в его прозе мы находим углубленное исследование человеческих характеров. Для нас остается неизменно захватывающим и интересным авторское отношение ко всему, им изображаемому, тем более что излюбленные темы для изображения Залыгин ищет, как правило, в самых кардинальных и переломных моментах нашей истории. Так, лучший из его романов – «Соленая Падь» – произведение о народе, совершающем революцию, и в то же время о человеке, поднятом революцией до уровня исторической личности, каким является главный персонаж романа, партизанский главком Ефрем Мещеряков. Обладая многими, подчас противоречивыми качествами, он больше всего поражает несокрушимой своей человечностью, которая нередко проявляется в обстоятельствах, казалось, менее всего для того подходящих. «Задохнулся Ефрем. Заплакал Ефрем. Дико взвыл и бросил свою мерлушковую папаху оземь, на ледовые искры инея, покрывшего рыжеватую стерню, а Гришка Лыткин поднял папаху и подал ее обратно, а он опять бросил, а Гришка опять поднял, и гляде-

ли на эту бессмысленность партизаны из окопов... И что бы там ни было, на какой бы позор ни толкали белые Ефрема – ему надо было идти, принимать на себя бесславление и любой мучительный суд хотя бы от самого себя, даже от своей собственной, а не чужой совести и чести... Надо было воевать против баб и ребятишек опять же бабами и ребятишками, то есть проклятой арарой».

Сделавшись распорядителем судеб тысяч людей, сибирский крестьянин Мещеряков, сам каждодневно рискуя жизнью, не утратил и малой толики своего простодушия, терпимости к чужим слабостям, способности к сопереживанию чужого горя. Может, еще и более того – в противоположность его земляку, начальнику главного штаба Брусенкову, чувство человечности у Мещерякова в новом для него положении обострилось еще и оттого, что нередко именно интересы высокой человечности вынуждали партизанского главнокомандующего на довольно рискованные в нравственном отношении, а то и заведомо предосудительные поступки. А ведь в трудной крестьянской и фронтовой жизни никто его особенно не учил нравственности, скорее наоборот. Науку повелевать полками на поле боя он познал сам, на собственном опыте, ценой риска и пролитой крови. Коварство белых, в решающий момент применивших «слезную стенку», вынудило Мещерякова на крайнее средство, против которого он в простодушном протесте и бросил оземь свою мерлушковую папаху...

Если Мещеряков, несущий на своих плечах главную тяжесть защиты Соленой Пади, даже в самые трудные моменты не теряет выдержки и присущей ему человечности, всегда оставаясь справедливым и великодушным, то Брусенков – убежденный сторонник самых решительных мер по отношению к любому – от священника, которого он расстреливает, до комфронта Крекотеня, также не избежавшего подобной участи.

В то время как для Мещерякова революционная борьба определяется главным образом формулой за (за власть Советов), то для Брусенкова она гораздо привлекательнее своей второй частью – против (против контрреволюции), тут он чувствует себя увереннее и проявляется полнее.

Да, Мещеряков прекрасен в своей отваге и в своей нерешительности, в атаке против арары и в ночной горнице возле спящих детишек – во всей невымысленной правде своего естества. Весь он как бы круто замешен на этой его глубинно народной правде, которая уже сама по себе, кроме того, что истина, есть еще и высокая поэзия. Мещеряков – то лучшее, что подняла из народных глубин революция, без которой он просто не мог бы состояться как личность, и он, несомненно, лучший образ романа.

Галерея революционных вожаков из народа, представленных в советской литературе прежде всего образами Кожуха, Чапаева, Левинсона, в лице Мещерякова пополнилась еще одним замечательным характером, талантливо создан-

ным нашим современником Сергеем Залыгиным.

Литературный талант Залыгина неизменно подкупает своей емкостью и многогранностью, нередко поражая широтой писательского познания, глубиной его чувствования. Залыгин умеет услышать и передать на своих страницах и гневный гул революционной толпы, и тихий, исстрадавшийся голос женщины, обреченной изнывать в страхе за жизни малолетних детей...

Величайшая ломка в сельском хозяйстве, когда вековая крестьянская страна Россия обобщила свои измельченные малоземельные хозяйства и приступала к устройству неведомой, загадочной и пугающей своей неизвестностью коллективной жизни, – это стало темой повести «На Иртыше». Когда ликвидировалось кулачество, обновлялась деревня, где-то в далекой Сибири, «за болотом», затерялась судьба работающего, смышленного, смелого и умелого крестьянина Степана Чаузова. Стоило ли тридцать лет спустя воскрешать эту судьбу, разбираться в ее полузабытой драме, когда такими разительными и бесспорными для всех стали успехи некогда загадочной колхозной жизни?

В самом деле, что судьба одного семейства, одной отлетевшей на лесосеке щепки, когда рубился вековой лес и вершилось небывалое в жизни народа! Но дело в том, что все-таки это не щепка, а человек, и даже двое, кроме нескольких малых, которым, как бы там ни было, предстояло жить в будущем, ином и более справедливом обществе. К тому же

Степан Чаузов и не кулак вовсе, а середняк, который одним из первых в селе поверил в бесспорные преимущества колхоза и сам, по своей воле вступил в него, чтобы строить новую жизнь.

Но – не получилось.

Кто в том виноват? Виноват, безусловно, и Степан, его упрямый мужицкий нрав, его самочинные действия по отношению к поджигателю колхозного зерна Ударцеву. Но более его виноваты другие, в общем сами по себе, может, и неплохие люди: молодой Митя – уполномоченный, городской житель. Юрист, не сумевшие или не захотевшие защитить невинного. Но более других виноват Корякин, возглавлявший тройку по «довыявлению» кулачества. Этот последний – родной брат Брусенкова, над которым в решающий момент не оказалось Мещерякова, некогда при первом своем появлении в Солёной Пади освободившего из-под расстрела Власихина... Коллективное дело в селе восторжествовало окончательно и бесповоротно, но в этой победе осталась одна маленькая занозинка, одна незадача – судьба Степана Чаузова. Именно она много лет спустя и заставила писателя-гуманиста поведать нам об этой позабытой драме, какой бы прискорбной или исключительной она ни была.

После опубликования «Троп Алтая», «На Иртыше» и особенно «Солёной Пади» за Сергеем Залыгиным прочно установилась репутация писателя остросоциальной тематики, чье внимание неизменно привлечено к злободневным и кар-

динальным вопросам дня сегодняшнего и не столь отдаленного прошлого, уроки которого бесполезны для настоящего. Стало привычным видеть на его страницах прекрасно изображаемую им крестьянскую массу, слышать много и умно говорящих на своих сельских сходках деревенских философов. Автор так овладел их языком, что язык персонажей его произведений стал почти неотличим от авторского – настолько органически он слился в одну добротную русскую речь.

Очевидно, в значительной степени по этой причине для иных залыгинских читателей оказалось неожиданностью появление его нового романа «Южноамериканский вариант» с совершенно иной проблематикой, иной средой изображения, отличным от предыдущего привычного, «залыгинского», «городским» языком и современным «техническим» и во многих отношениях изысканным стилем. Многие удивились: почему вдруг писатель, прекрасно владеющий мужской психологией, глубоко понимающий мужика-хлебопашца, вдруг главным персонажем романа избрал женщину, нашу современницу, научного работника?

Следует признать такое удивление небеспричинным. Действительно, в предыдущих произведениях С.Залыгина женские образы не пользовались особенным его вниманием, и мы можем вспомнить из них разве что симпатичную Клавдию Чаузову, Дору Мещерякову да Тасю Черненко. Не так и много. Но, видно, в том-то и дело, что тема женщины у

Залыгина до поры до времени оставалась как бы «в запасе»: неизрасходованные жизненные наблюдения, размышления, выводы требовали их литературного воплощения. И вот писатель реализует их в новой, романной емкости, почти целиком заполнив ее образом Ирины Викторовны Мансуровой.

Если хотя бы в общих чертах проследить за эволюцией первых героинь Залыгина к его Ирине Мансуровой, то удастся понять ее важность и неизбежность в этом немногочисленном ряду залыгинских женских образов. Спору нет, со времен Таси Черненко, Доры Мещеряковой и Клавдии Чаузовой в женской судьбе изменилось многое – другой, непохожей на все предыдущие жизнью живут теперь их землячки – сибирские колхозницы. Но значит ли это, что проблема женской судьбы решена и ничто больше не стоит на пути к счастью?

Несмотря на многочисленные перемены к лучшему в социальной жизни народа, одно неизменно: современная женщина по-прежнему остается в своей, уготованной ей природой роли продолжательницы человеческого рода, воспитательницы его будущих поколений, что уже само по себе невозможно без атмосферы любви и человечности. Современная женщина ничуть не меньше, чем в свое время Анна Аркадьевна Каренина или Анна Сергеевна фон Дидерик, занята все тем же, огромным для нее вопросом любви, без которой счастье ее не может быть полным даже в самом гармоническом обществе. Более того, оказывается, что там, где

ее нет, этой злосчастной любви, надобно ее выдумать и обратиться к объекту реальному или вымышленному, ибо даже любовь не всамделишная, воображаемая придает миру женщины новое содержание, наполняет ее духовностью, без чего не очень уютно было бы на этой земле и той половине человечества, которая по возможности целиком посвящает себя борьбе за научно-технический прогресс, – мужчинам.

Но, очевидно, со временем любовь будет «стоять» все более дорого. Как уже замечено в жизни, вековой объект женской любви – мужчина заметно утрачивает свойственный ему примат сильнейшего по сравнению с женщиной, а значит, и «лучшего», каким он являлся в прошлом, будучи воином-защитником (Мещеряков) или рачительным земледельцем-хозяином (Чаузов), и нередко становится таким же, как и она (Ирина Викторовна), служащим, «технарем», заведующим отделом, стоящим на служебной лестнице иногда чуть повыше ее, а иногда и пониже. Но каково-то женщине любить того, кто «пониже», и не только в служебном отношении, а в других тоже, каким является, например, Мансуров-Курильский?

Можно эту проблему рассматривать как угодно, я объяснять то ли историческим ростом социально-общественной роли женщины, то ли снижением роли мужчины, можно ее понимать как благо или наоборот, но суть проблемы от этого не изменится. Для реализации естественного человеческого дара любви нужен достойный этой любви объект, иначе

любовь угрожает превратиться в нечто сугубо рациональное, лишенное и страсти и поэзии.

Мне думается, что последний роман С.Зальгина именно об этом.

Во всяком случае очевидно, что проблематика его уже сама по себе способна возбудить споры. И такие споры, как известно, возникли. Я допускаю, что к роману можно отнестись по-другому, «прочитать» его иначе. Но ведь произведение новаторское всегда спорно. И даже оспаривая социально-нравственную проблематику романа, подобает ли проходить мимо многих его прочих достоинств – мастерски выверенной формы, его изящного, даже виртуозного стиля, где почти каждая фраза – законченная художественная фигура, а весь роман – сплошная, почти не прерывающаяся психологическая цепь, составляющая внутренний мир героини, подробно исследованный и точно изложенный отличным языком автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.